

УДК 811. 161. 1'27 (1-87)

**ПАНОРАМА КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ РУССКИХ ЭМИГРАНТОВ
(актуализация исторического опыта)****Е. В. Евиак**

В статье освещается панорама культурной (в широком контексте – язык, литература, образование) жизни русской «белой» эмиграции.

This article presents a panorama of cultural life, literature and language of russian «white» emigres in a wide context.

Ключевые слова: эмигрантология, культура, социоллингвистика, русский язык зарубежья.

Для нас становится всё более актуальным обращение к культурному наследию русского зарубежья начала прошлого века. Актуальным в контексте проблематики, связанной с возвращением культурных отечественных ценностей прошлого, в целях духовно-нравственного воспитания детей и молодёжи, всего общества.

Академик Д. С. Лихачёв говорил: «Культуре, нравственности, воспитанию надо отводить в наших планах первое место. Все планы налаживания нашей жизни начинать с вопросов культуры, воспитания, образования. Дух предшествует материи во всех отношениях» [Цит. по: Коваленко, Фролова, 2001, с. 44 – 45]. Эти высказывания подводят к выводу: чтобы человечество могло сохранить себя как вид, необходимо воспитывать и обучать человека не только для обеспечения материального существования, но и прежде всего воспитывать духовно. Последняя задача намного сложнее первой. Образование человека представляет собой сложный процесс. С одной стороны, – обучение профессии: необходимо вложить в голову обучаемого некую сумму знаний, информации, развить интеллектуальные способности, обеспечивающие вмещение, обработку, хранение и использование полученных знаний. С другой стороны, – духовно-нравственное воспитание, ибо самый чудовищный результат образования – это хороший специалист, не отягощённый совестью. Ничего нет опаснее образованного, но безнравственного человека, будь то юрист, политик или врач. Обучение в новой парадигме образования выдвигает на передний план задачу формирования человека с хорошей профессиональной подготовкой, высокой культурой и нравственными принципами. В процессе обучения в школе, в университете духовные ценности напрямую передать очень сложно, их надо пережить, прочувствовать, увидеть, чтобы они стали органичной составляющей души человека. Вместе с тем существуют конкретные примеры воспитания души. Для этого обратимся к историческому опыту – культурной (в широком аспекте) жизни наших соотечественников – «белых» эмигрантов и их потомков. «Революция 1917 года и последующая за ними Гражданская война вызвали новый всплеск эмиграции из России, как правило, эту эмиграцию называют «первой» или «Белой», хотя правильнее было бы её называть «первой послереволюционной волной эмиграции». Эта эмиграция состояла в основном из наиболее

культурных слоёв дореволюционного российского общества [Попов, 1998, с. 54].

Историю культуры русской эмиграции можно рассматривать с самых разных точек зрения: культурно-просветительская работа, педагогическая деятельность, пропаганда духовных ценностей, отношение эмигрантов к родному языку, литературе, искусству и т. д.

«Русская интеллигенция, волею судьбы оказавшаяся на чужбине, придавала огромное значение культурно-просветительской работе среди эмигрантов. Надеясь на скорое возвращение, изгнанники боялись утратить духовную связь с Россией и прилагали максимум усилий для сохранения культурных традиций» [Волошина, 2001, с. 168]. Актуальными в эмиграции становились вопросы культурно-воспитательной и патриотической работы, в особенности среди молодёжи, воспитание у неё чувства патриотизма и национальной гордости. Этому были посвящены два совещания педагогов, проведённые по инициативе Земгора. На них был обсуждён и одобрен длинный список разнообразных форм работы, предусматривавший организацию дополнительных курсов по национальным предметам, образование детских домов, клубов, библиотек, издание детского журнала, проведение чтений по русской истории с использованием волшебного фонаря (диапроектора) и даже кинематографа; проведение детских праздников, устройство лагерей, создание всевозможных организаций самих учащихся и т. п. Воспитательной работой среди эмигрантской молодёжи занимался юношеский отдел русского студенческого христианского движения, возникший в 1927 – 1928 гг. Его руководителями были Н. Ф. Фёдоров, С. С. Шидловская, А. Ф. Шумкина. Важную роль в работе отдела сыграл известный артист императорских театров России А. Д. Александрович, создатель «Молодой оперы». На организованных им спектаклях, где показывали фрагменты опер «Жизнь царя», «Демон», «Русалка», пел хор в 30 – 40 человек, а предварительно готовились костюмы и декорации. Отдел вёл культурно-просветительскую и религиозную работу. Ежегодно устраивались летние и зимние лагеря. В них всегда была церковная палатка, и детей привлекали к ведению церковных служб. Лагеря организовывались по определённой тематике: жизнь и мировоззрение выдающихся деятелей русской культуры (А. В. Суворов, А. П. Чехов), Россия в XIX в., географические районы России. В начале 1930-х гг. в Париже традиционными стали «Дни для юношества и де-

тей», превращавшиеся в праздники русской истории и культуры. Молодёжная организация русских разведчиков под руководством полковника П. Н. Богдановича поставила «Потешные Петра Великого». Оркестр под управлением Л. А. Чернецкого исполнил «Преображенский марш» и «Марсельезу». Хор пропел «Как ныне собирается Вещий Олег». Кадеты прочитали пять сонетов, написанных по этому случаю. Национальная организация Витязей поставила «живую картину» «Витязи славной России». Выступили также хор и оркестр Витязей под управлением А. А. Скрябина, были представлены, совместно с разведчиками, несколько сцен на тему «Меч на страже русской культуры», Скауты разыграли сцены из жизни Александра Невского. Юные спортсмены, члены сокольского общества, представили разнообразные гимнастическую и артистическую программы, их хор исполнил несколько песен, а совместно с балетной студией И. Л. Вырубовой они поставили картину из первого акта «Евгения Онегина» [Волошина, 2001, с. 168-170].

Большое внимание уделялось также психологической реабилитации детей эмигрантов. По словам М. Раева: «Первой ставала задача восстановить нормальное физическое и психологическое состояние детей-беженцев. Многие из них потеряли родителей и семьи, за годы гражданской войны и бегства за границу успели забыть о том, что такое нормальная жизнь. Даже тем, кому повезло, кто остался с кем-то из родных, пришлось пережить немало потрясений. Было разработано несколько проектов, которые должны были помочь детям выразить свои мысли и чувства, – анкетирование, опросы, пребывание в детских общинах. В этой связи следует отметить, что эмигранты, специалисты в области образования, осуществляли свои работы и эксперименты на основе новейших психологических теорий и методик, разработанных накануне мировой войны и революции. Русская педагогика достигла больших успехов в разработке индивидуального подхода к поддержанию психологического здоровья ребёнка. Этот накопленный опыт, а также имевшаяся литература стали в эмиграции важным подспорьем при создании учебных заведений» [Раев, 1994, с. 65 – 66].

Эмигранты стремились всячески поддержать и развивать сферу образования. С самого момента своего возникновения русская диаспора организовала трёхуровневую систему образования: начальные школы, частные пансионы, подобные дореволюционным кадетским корпусам для юношей или институтам благородных девиц, университеты, научные сообщества, курсы грамотности, занятия по иностранным языкам. Главными такими образовательными центрами явились Париж, Берлин, Прага, Белград, София, Кошице, Ужгород, Моравске Тржебове, Харбин и др. В силу сложившихся обстоятельств, основное внимание в эмигрантских учебных заведениях было сосредоточено на гуманитарных дисциплинах – языке, литературе, истории, географии. Основная цель системы образова-

ния в эмиграции состояла в сохранении русского самосознания, поэтому естественные науки и математика, интернациональные по содержанию, преподавались в соответствии с учебными программами, принятыми в стране проживания. За образец для школ, основанных диаспорой, за исключением начальных классов, была принята старая русская гимназия с её акцентом на гуманитарные науки (древние языки, русская литература и история). Начальная школа в эмиграции давала азы грамотности и религии на русском языке, далее, как и в старой России, обучение продолжалось в гимназии или же в реальном училище, где обучалось значительное число эмигрантов. Эмигрантами была создана сеть высших учебных заведений. Известным «русским Оксфордом» – академическим, университетским центром эмиграции была Прага. [Savický, 1999, s. 185]. В 1920-е гг. в Праге возникли: Русский юридический факультет, Русский (Народный) университет, Педагогический институт им. Я. А. Коменского, Институт сельскохозяйственной кооперации, Высшее училище техников путей сообщения, Русский институт коммерческих знаний, Русская автомобильно-тракторная школа, Русская торговая академия [Savický, 1999, s. 199]. Особое место среди эмигрантских учебных заведений Праги занимал Русский народный университет. Основанный в

1925 г. на общественных началах, он преследовал цели просвещения и популяризации научных знаний. Народный университет имел пять отделений: общественных наук; историко-филологическое, естественных и прикладных наук. Ежегодно на каждом из отделений прочитывалось около 50 лекций, кроме того, проводились семинарские и кружковые занятия. Для местного населения устраивались лекции об истории и культуре России на чешском языке [Кишкин, 1996, с. 7]. Здесь читали лекции, занимались научными исследованиями в лабораториях, вели большую просветительскую работу видные русские учёные самых разных специальностей: литератор, лектор славянского семинара Карлова университета, доцент

А. Л. Бем, архитектор В. А. Брандт, агроном, профессор В. Е. Брунст, профессор В. А. Коссинский, философ, профессор Н. О. Лосский, доцент, юрист Г. Н. Михайловский и др. Огромную ценность имели, и до сих пор имеют, созданные тогда русскими учёными труды. В качестве примера назовём «Логика», «Материя и жизнь», «Обоснование интуитивизма»

Н. О. Лосского; «Славянская филология в России за годы войны и революции» Р. О. Якобсона и П. Г. Богатырёва и др.

Высшие учебные заведения русского зарубежья занимались, во-первых, собственно обучением – обеспечением профессиональной подготовки соотечественников, во-вторых, стремились помочь учёным, деятелям искусства и мыслителям, оказавшимся в эмиграции, продолжить их творческую работу на благо русской культуры и познакомить местное общество с вкладом России в различные об-

ласти науки и культуры. Надо отметить, что профессиональная деятельность многих русских эмигрантов сыграла большую роль в культурном, экономическом, политическом развитии Европы в целом, а также её отдельных государств. В этом контексте интересна судьба семьи Гариных-Михайловских. Так, эмигрантская деятельность Г. Н. Гарина-Михайловского (он же сын известного публициста, писателя, инженера железнодорожного транспорта, основателя г. Новосибирска Н. Г. Гарина-Михайловского) была связана с преподаванием международного права и дипломатической деятельностью в Париже, Праге, Братиславе. В Братиславе он работал в высших кругах МИД Словакии. Его сын, Н. Г. Михайловский-младший, благодаря своей профессиональной деятельности, также внёс существенный вклад в экспериментальную науку Чехословакии, работая в научно-исследовательском институте пищевой промышленности, а до увольнения на пенсию – в институте экспериментальной эндокринологии Словацкой академии наук [Турá, 2006, с. 134]. Некоторые наши соотечественники стали почётными гражданами городов, стран, являвшихся их второй Родиной. Так, В. И. Немирович-Данченко принимал активное участие в местной русской и чешской культурной и литературной жизни (как ранее Достоевский и Тургенев, он был избран почётным членом чешского культурного общества «Умелецка беседа», а также являлся почётным гражданином Праги [Кишкин, 1998, с. 45]). Говоря о культурной, духовной миссии русского зарубежья в Европе, США, Китае, достаточно назвать имена И. Бунина, Н. Бердяева, С. Булгакова, Б. Вышеславцева, А. Исаченко, Н. Андрусова, Н. Лосского, В. Лосского, Б. Лосского, епископа Иона (Покровского), игумена Серафима и др.

Как было отмечено выше, русская культура для русского зарубежья была не мыслима без сохранения родного языка и литературно-издательской деятельности. «Язык был тем базовым элементом, который не просто воплощал в себе традиции современной русской культуры, отражая её в литературе, но также представлял собой существенный элемент самосознания общества в изгнании [Раев, 1994, с. 140]. Несмотря на сознательную консервацию русского языка, обусловленную политическими причинами, эмигранты искренне пытались сохранить его чистоту и богатство. Любые инновации, так или иначе затрагивающие язык, мгновенно становились насущной темой в эмигрантской печати. Кроме всего прочего, судьба русского языка была темой для личных переживаний, размышлений самых разных слоёв русской диаспоры. Об этом красноречиво свидетельствует эпистолярное наследие эмигрантов. В нашем распоряжении имеются ксерокопии писем – переписки семьи Гариных-Михайловских, Глебовой-Михайловской со своими родственниками-эмигрантами, друзьями, любезно предоставленные мне инж. Н. Г. Михайловским, а также переписка семьи Андрусовых, потомков известного русского геолога, стратиграфа. Приведём

выдержки из некоторых писем в авторской редакции: *«Надо также привыкнуть к новому правописанию. Я ничего не имею против, но переучивать себя мне трудно...Назад, конечно, возвращаться нет возможности. Жаль мне только ЯТЬ...»* (Бонди, 18-3-1972 г. (из письма Володи Ладыжинского к А. Н. Глебовой-Михайловской), а также: *«Часто осматриваю Берестовые Новгородские грамоты, которые мне прислала Татьяна Михайловна и каждый раз ей благодарен за присылку этой книги. Читать их ведь подряд нельзя: они требуют большого разбора и запоминаются не так просто. Но многое в них интересно, в частности, возникновение новых слов и пропажа прежних. Обращает на себя внимание и то, что нет вопросительных форм. Очевидно, повелительное наклонение тогда имело значение просьбы. И это сохранялось долго. Я видел описание свадьбы Михаила Федоровича. В нём, когда пришло время ехать венчаться, пришли и сказали, все-таки, царю: «А Патриарх приказал тебе идти в собор». Большую привычку надо выработать, чтобы и читать эти грамоты – написаны они без разделения слов. Между прочим, меня всегда удивляло почему Кирилл и Мефодий, которые составили славянскую грамоту, когда они перевели Евангелие с греческого, не взяли просто греческих букв...Считается, впрочем, что Кирилловица дает очень правильное фонетическое правописание. Но, ведь, и греческий язык был сильно фонетический, однако букв в нем для фонетики хватало. Был такой случай: когда св. Стефан приводил к православию зырян Пермского края, он им создал грамоту, так как зыряне грамоты не знали. Буквы он им составил из черточек, которые напоминала риски, зарубки, которые зыряне наносили на разные предметы для обозначения своих владений или обозначения родов, нечто вроде фамилий, комбинируя по разному черточки. Будто-бы это облегчило зырянам выучить грамотность. Возможно и славянская вязь тоже напоминала какие-то тогдашние болгарские орнаменты. Как-то никто никогда не интересовался почему были взяты такие, и довольно сложные, начертания букв. Пора кончать. Что-то начинаю много ошибаться печатая»* (Париж, 21 / X/ 1972. Из письма Володи Ладыжинского к А. Н.). *«Жена моего сына Бориса преподаёт в этом году русский язык в средней школе. Она довольно тем, что дети успешно усваивают русский язык и любят эти занятия...»* (из письма Н. О. Лосского к А. М. Глебовой-Михайловской). [Евпак, 2008, с. 202 – 203].

Эпистолярное наследие русских эмигрантов свидетельствует об их безграничной любви к русской культуре вообще, к искусству, литературе, музыке, театру, кино. Важное место они отводят вопросам духовно-нравственного воспитания детей – почитанию и заботе о старших, этике общения (в устной и письменной форме) и т. д. *«Дорогая Анна Николаевна, семья наша и я очень благодарим Вас за Ваше участие в нашей горе и за Ваши заботы о могиле Людмилы Владимировны...Я живу теперь у Бориса... Каждый год Борис вводит новые усовер-*

иенствования в Музее. У него и вкус, и большое понимание произведений искусства не только картин, но и художественной мебели и т. п. Андрей занят собиранием материалов о Людовике XIV. Внучка моя Мария пишет интересную диссертацию «Душа Петербурга в русской литературе... Душевно преданный Вам Н. Лосский. 19. III. 58 (Из письма Н. О. Лосского к А. Н. Глебовой-Михайловской). «В нашей газете читал, что в Москве предпринято издание «Истории русского искусства». В редакционном комитете находится Игорь Грабарь. Наверное, это будет очень ценный труд. Я вспоминаю, как великолепно была «История русского искусства», 22 выпуска которой вышли под редакцию Грабаря перед первой мировой войной.... Теперь печатается Большая Советская Энциклопедия. Вышло уже 22 тома. В ней очень хороши воспроизведения картин великих художников, русских и иностранных. Душевно преданный Вам Н. Лосский. (Там же).

Издательская и литературная деятельность русских эмигрантов была весьма насыщенной и разнообразной. Так, в Берлине выходило несколько русских газет, причём, наряду с эмигрантскими (ежедневные «Руль», «Голос России», «Дни», еженедельное «Время», монархическая «Грядущая Россия»), выходил и откровенно советский «Новый мир», а позднее сменовеховское «Накануне». Особенностью жизни русского литературного Берлина в первые годы «лихолетия» было не повторявшееся уже после общение между писателями эмигрантскими и советскими, своего рода осмос между эмигрантской и советской литературой. В Берлине был создан, по образцу петроградского, свой Дом Искусств, собрания которого происходили в одном из больших берлинских кафе. Здесь встречались свободно эмигрантские и советские писатели. Читали свои произведения Ремизов, Ходасевич, Виктор Шкловский, Маяковский [Струве, 1984, с. 25 – 26]. В Праге был организован целый ряд издательств. К наиболее ранним из них относится издательство «Наша речь», основанное в 1919 г. Оно издавало буквари, русских классиков (Пушкин, Гоголь, Достоевский, Салтыков-Щедрин, Толстой), сказки, книги о русских художниках, учебники [Кишкин, 1996, с. 3].

Мы попытались в общих чертах осветить культурную жизнь соотечественников. Говоря о панораме культурной жизни русского зарубежья, надо отметить, что все выделенные нами аспекты в рамках статьи в полной мере свидетельствуют о богатом духовно-нравственном, творческом, профессиональном потенциале русского зарубежья. Они раскрывают феноменологию быта и бытия наших соотечественников во всех своих ипостасях – картинах мира: культурной, философской, духовно-нравственной, языковой. Это лишь некоторые штрихи к общей панораме всего русского зарубежья. Важно то, что «возвращение» духовных ценностей, созданных русскими эмигрантами продолжается. Они, как нам кажется, востребованы в самых разных аспектах; культурная деятельность русских эмигрантов является примером духовно-

сти для подрастающего поколения – учащейся молодёжи.

Литература

1. Волошина, В. Ю. Историк и общество: культурно-просветительская деятельность учёных-историков в среде русской эмиграции 1920 – 1930-х годов [Текст] / В. Ю. Волошина // Культура исторической памяти: материалы научной конференции. – Петрозаводск, 2002. – С. 168 – 175.
2. Евпак, Е. В. Языковое и метаязыковое в письмах русских эмигрантов-интеллектуалов [Текст] / Е. В. Евпак // Обыденное метаязыковое сознание и наивная лингвистика: межвузовский сб. ст. – Кемерово-Барнаул, 2008. – С. 197 – 205.
3. Попов, А. В. Русское зарубежье и архивы [Текст] / А. В. Попов. – М.: РГГУ, 1998.
4. Раев, М. Россия за рубежом. История культуры русской эмиграции 1919-1939 [Текст] / М. Раев. – М.: Прогресс-Академия, 1994.
5. Кишкин, Л. С. Русская эмиграция в Праге: печать, образование, гуманитарные науки, 1920 – 1930-е годы [Текст] / Л. С. Кишкин // Славяноведение. – 1996. – № 4. – С. 43 – 52.
6. Кишкин, Л. С. Русская эмиграция в Праге: поэты, прозаики, мемуаристы (1920 – 1930-е годы) [Текст] / Л. С. Кишкин // Славяноведение. – 1998. – № 4. – С. 43 – 52.
7. Коваленко, Б. П. Курс «Духовные основы жизни»: разработка образовательной технологии [Текст] / Б. П. Коваленко, Н. А. Фролова // Синтез в образовании: развитие, воспитание, обучение. – СПб., 2001. – С. 44 – 49.
8. Струве, Г. Русская литература в изгнании [Текст] / Г. Струве. – Paris.: YMCA-PRESS, 1984.
9. Savický, I.: Osudová setkání. Češi v Rusku a Rusové v Čechách 1914-1938 [Text] / I .Savický. – Praha: Akademia, 1999.
10. Tupá, L. Russische Literatur und Geisteswissenschaft in Bratislava (1920-1939) [Text] L Tupá / Diplomarbeit zur Erlangung des Magistergrades der Philosophie aus der Studienrichtung Russisch eingereicht an der Universitat Wien. – Wien, 2006. – 153 s.

Рецензент – Т. Г. Рабенко – доцент кафедры общего языкознания и славянских языков, ГОУ ВПО «Кемеровский государственный университет».